

ИНТЕРВЬЮ

УДК 330.34(4)
ББК 65.049(4)
DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_71

О проблемах и перспективах развития Европейского союза

Громько Алексей Анатольевич,
директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН.
E-mail: alexey@gromyko.ru

Идеи о текущем состоянии и вероятных контурах развития европейского интеграционного проекта высказал известный российский учёный Алексей Анатольевич Громько. ЕС находится в своеобразной «точке бифуркации», что во многом обусловлено расшатанными механизмами его функционирования. В ходе беседы выявлены актуальные факторы движения Европейского союза по пути стратегической автономии с учётом его истории. Показаны экономические тенденции в ЕС в контексте обострения проблемы социального неравенства. Описаны риски эскалации этнорелигиозных противоречий с учётом отсутствия консенсуса входящих в ЕС стран по вопросу политики убежища. Дан прогноз формирования новой политической архитектуры на пространстве объединения, принимая во внимание внешние и внутренние вызовы его развитию.

Цитирование: Громько А.А. О проблемах и перспективах развития Европейского союза // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 4 (73). С. 71–83.

Ключевые слова

Евросоюз

НАТО

США

стратегическая автономия

интеграция и дезинтеграция

коллективный Запад

социальное неравенство

Брекзит

экономика еврозоны

Current Issues and Future Prospects for Development of the European Union

Gromyko Alexei Anatolievich,

Director of the Institute of Europe under the Russian Academy of Sciences (RAS),
Corresponding Member of the RAS.

E-mail: alexey@gromyko.ru

Alexei Anatolievich Gromyko, an acknowledged Russian scientist, expresses here his views on the current state and prospective developments of the European integration project. The EU is at a kind of bifurcation point, which is largely due to the weakened mechanisms of its being. During the conversation he analyses the actual factors for the EU's transition on the way to strategic autonomy with respect to its historical background. The recent tendencies in the EU economy in the context of social inequality issues are noted here. The scientist analyses the escalation risks of ethno-religious contradictions, taking into account the lack of consensus of the EU member states on the migration policy. The expert presents an outlook of the future political architecture of the Union, taking into consideration various external and internal challenges to its further development.

Citation: *Gromyko A.A.* Current Issues and Future Prospects for Development of the European Union // National Strategy Issues. 2022. No. 4 (73). P. 71–83.

Keywords

European Union

NATO

USA

strategic autonomy

integration and disintegration

collective West

social disparity

Brexit

eurozone economy

«Проблемы национальной стратегии»: *Уважаемый Алексей Анатольевич, в последние годы в ЕС не утихали дискуссии об обретении союзом стратегической автономии, что проявилось в принятии Брюсселем и Глобальной стратегии, и ряда других концептуальных документов (в области высоких технологий, обороны и безопасности, энергетики, цифровизации). С учётом опыта анализа ситуации в Европе как Вы считаете, чем обусловлен нынешний рост интереса к данной проблематике?*

Алексей Анатольевич Громыко: Принцип стратегической автономии был одним из краеугольных в Глобальной стратегии Евросоюза, обнародованной в июне 2016 г. Тогда, в контексте президентства Дональда Трампа и референдума в Британии по вопросу Брекзита, он воспринимался как заявка на внешнеполитическую свободу действий в первую очередь от англосаксов, а потом уже от русских или китайцев. Глобальная концепция была во многом компромиссом между евроатлантистами и евроэнтузиастами, другими словами, между приверженцами НАТО во главе с США и сторонниками более или менее самостоятельной роли ЕС на мировой арене, в том числе в военно-политической сфере. Но всё же в этом документе баланс был смещён в пользу проевропейского лагеря, потому и подвергался критике атлантистов.

Корни автономного подхода достаточно глубоки: он всегда присутствовал в федералистском течении внутри ЕС, в голлистских настроениях во Франции, в скепсисе в отношении США среди левых, профсоюзных и антивоенных сил Германии, Италии, Британии. Сейчас уже мало кто вспоминает, но, например, вьетнамская война была крайне непопулярна в Европе, и тогда даже Лондон не оказывал военной поддержки американцам, ограничившись жестами политической солидарности. Сильные позиции имели идеи европейского нейтралитета, в разных формах воплощённые в законодательстве Финляндии, Швеции, Австрии, Швейцарии, Ирландии. «Европейская мечта», охватившая широкие круги интеллектуалов Старого Света на рубеже веков, бросала явный вызов неоконсервативному течению во внешней политике Вашингтона, как и неолиберальному – в социально-экономической. Париж и Берлин в 2003 г. выступили против вторжения США в Ирак. В 2011 г., когда Германия была непостоянным членом Совета Безопасности ООН, она вместе с Россией не поддержала резолюцию о закрытии воздушного пространства Ливии.

Во многом эти процессы имели объективный характер, ведь после развала СССР и окончания холодной войны жупел угрозы с Востока надолго исчез, сам ЕС превратился в крупнейший на планете

глубоко интегрированный рынок, а экономические интересы, как полагается, надо защищать, в том числе с помощью инструментов внешней политики. Конечно, даже на пике таких настроений речь не шла о серьёзном расколе между США и Западной Европой. Но позиции американоцентричной модели мироустройства ослабевали в пользу «двухъядерного» Запада, в котором ЕС претендовал на статус центра силы наравне с американским. Однако Вашингтон сумел вернуть себе тотальное влияние в Европе в годы президентства Барака Обамы благодаря как более взвешенной внешней политике, так и поспешному расширению ЕС за счёт восточноевропейских стран, большинство которых, особенно прибалты и Польша, всегда были сугубо проамериканскими.

И всё же процесс обособления по многим позициям интересов США и ЕС продолжился при Д. Трампе, а затем в начале президентства Джоозефа Байдена. Например, европейцы были в ужасе от того, как Вашингтон пренебрёг их интересами при выводе войск из Афганистана, а Париж воспринял как удар в спину новое военное соглашение США, Британии и Австралии (AUKUS), заключённое англосаксами за счёт интересов Франции. Кстати, при Дж. Байдене за первые два года его президентства не возобновились ни переговоры между США и ЕС по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству, ни выполнение Совместного всеобъемлющего плана действий («ядерной сделки» с Ираном), из которого Вашингтон так бесцеремонно вышел при Д. Трампе, в очередной раз пренебрегая интересами не только Тегерана, но и своих европейских союзников.

Несмотря на всё это, атлантисты в ЕС вновь оказались на коне на основе двух «анти»: их старого козыря – антироссийского консенсуса и нового фактора – растущих антикитайских настроений, которые активно насаждались американцами в Европе и при Д. Трампе, и теперь при Дж. Байдене. Но пока главное подспорье для североатлантической солидарности – это обострение отношений между Россией и коллективным Западом. Вашингтон и европейские атлантисты сделали всё возможное, чтобы использовать украинский кризис и вопрос экспансии НАТО для нового раунда сплочения своих рядов. Однако считаю, что это временное явление, которое не повернёт вспять «стратегическую расстыковку» США и европейцев, которая сейчас затушёвана украинским кризисом. *Во-первых, американцы будут и дальше всё меньше учитывать интересы европейцев. Во-вторых, для последних в долговременном плане близорукая стратегия США по «двойному сдерживанию» России и Китая не сулит ничего хорошего и будет лишь подтачивать их конкурентные преимущества на мировых рынках.*

«Проблемы национальной стратегии»: *Алексей Анатольевич, в случае минимизации Вашингтоном интересов ЕС какими будут наиболее вероятные варианты развития экономики Евросоюза, особенно с учётом растущих рисков продовольственного кризиса? Как планируется замещать образовавшиеся на фоне антироссийской политики Брюсселя лакуны?*

Ал. А. Громыко: ЕС и многие его страны-члены лет десять назад всерьёз взялись за упрочение своего технологического и энергетического суверенитета вне зависимости от того, от кого в экономическом соревновании он должен был защищать – от американцев, китайцев или кого-то ещё. Кстати, принцип стратегической автономии был направлен именно на это, так как предполагал среди прочего интеграцию европейских военно-промышленных комплексов в их соревновании с ВПК США. ЕС «показал зубы» и Лондону в отместку за Брекзит, лишив его многих благ членства в Едином рынке. Посмотрите, что происходит с (псевдо)стратегией «Глобальная Британия», объявленной британскими (точнее, английскими) евроскептиками, добившимися выхода своей страны из ЕС, – у королевства самые плохие экономические показатели из государств «семёрки». «Великая рецессия», начавшаяся в континентальной Европе в 2008–2009 гг., продемонстрировала высокие риски её зависимости от финансовых рынков США и Британии.

Сам проект евровалюты, поставленный на ноги ещё в 1990-е гг., был в первую очередь направлен на конкуренцию с американским долларом, а не с юанем или рублём. ЕС во всех отношениях устраивало разделение труда, которое сложилось между ним и Россией, на огромный рынок которой он поставлял товары с высокой добавленной стоимостью, а оттуда получал дешёвое сырьё – один из ключевых факторов конкурентоспособности Единого рынка. Поэтому строительство и «Северного потока – 1», и «Северного потока – 2» было полностью в его интересах.

Однако, на мой взгляд, в своей экономической стратегии ЕС допустил ряд принципиальных просчётов, главный из которых – это так называемый зелёный курс («зелёная сделка»). Идея была привлекательная – увеличить в долгосрочном плане снижающуюся конкурентоспособность ЕС, в первую очередь в его технологическом соревновании с США и Китаем. Для этого требовалось найти собственную стратегическую нишу в мире высоких технологий, и ставка была сделана на технологии возобновляемой энергии. Но проект изначально был слишком амбициозным, сверхзатратным и во многом идеологизированным. Его успех базировался на идеалистическом сценарии, когда всё должно было получиться так, как задумано.

Предприняли ряд других иррациональных шагов. Так, Германии не было никаких резонов быстро отказываться от своей атомной промышленности. Франция в этом вопросе поступила значительно дальновиднее.

Затем реализация «сделки» столкнулась с колоссальным вызовом пандемии, который не оставил камня на камне от завышенных ожиданий энергетического перехода. Опять же Париж вместе с некоторыми другими странами ЕС сообразил, что «сделка» на поверку грозит большими проблемами, и отвоевал у Еврокомиссии право продолжить инвестировать в атомную и газовую энергетику. Во всех этих расчётах константой была дешёвая энергия из России, без которой «сделка» превращалась в чистую фантазию. Поэтому фатальной ошибкой ЕС, допущенной им в пылу украинского кризиса, стал ещё один «курс» – на отказ от российских нефти, газа и угля. Сейчас можно сказать, что «зелёная сделка» фактически похоронена, как бы в Брюсселе ни делали хорошую мину при плохой игре. В итоге целый ряд объективных и рукотворных проблем ведёт к тому, что ЕС, как и Британия, втягивается, впервые с 1970-х гг., в период стагфляции – высокой инфляции при нулевом или отрицательном экономическом росте. Конкурентоспособность Единого рынка продолжит снижаться.

«Проблемы национальной стратегии»: *Алексей Анатольевич, с учётом указанных Вами тенденций можно ли ожидать дальнейшей дифференциации государств – участников ЕС, прежде всего в экономическом плане? Если взглянуть на проблему шире, как Вы полагаете, какую роль будет играть фактор социального неравенства в процессах интеграции и дезинтеграции на пространстве Евросоюза, в региональном контексте и на страновом уровне?*

Ал. А. Громько: Региональный интеграционный проект под названием Европейское экономическое сообщество (с 1957 г.), а затем сменивший его Европейский союз (с 1992 г.) строились с целью экономической интеграции (от зоны свободной торговли к таможенному союзу и общему рынку), но в неразрывной связи с задачами выравнивания уровней социально-экономического развития входящих в него государств. Дело здесь было не столько в идеалах социальной справедливости, сколько в первую очередь в вопросах воспроизводства прибыли, в необходимости экономической устойчивости объединения, недопущении появления слишком большого числа государств-реципиентов по сравнению с государствами-донорами. Чем больше допускались бы различия в экономических потенциалах стран-членов, в их способности извлекать выгоду из экономической кооперации друг с другом, тем такое объединение было бы менее эффективным с экономической, утилитарной точки зрения.

Однако экономических успехов как таковых для ЕЭС/ЕС было недостаточно. В принципе экономический рост не обязательно должен сопровождаться повышением благосостояния, как говорилось раньше, широких масс населения, ведь, исходя из чисто рыночных законов, можно добиваться экономического роста и при высоких показателях социального неравенства. Но в ряде случаев для устойчивости интеграционного объединения необходимы не только соображения прибыли, которую получают экономические агенты. Речь идёт о варианте, когда участники интеграционного проекта – государства с демократическим устройством, когда вопросы доступа к власти и стратегии развития страны решаются с помощью механизмов представительной демократии, т.е. посредством выборных процедур, ротации различных политических сил у власти. Сильно упрощая, можно сказать, что интеграционный проект, состоящий из недемократических государств, для своего успеха может ограничиться требованиями показателей экономического роста, а из демократических – должен учитывать и требования общественной справедливости.

Экономические успехи в последнем случае должны вести к росту социального благополучия как можно большей части населения. В противном случае экономическое сближение с соседями перестанет быть привлекательным для национального избирателя и интеграционный проект окажется под угрозой – центробежные процессы в нём возьмут верх над центростремительными. Ведь любая глубокая межгосударственная интеграция – это заведомо не только получение отдельных благ, но и готовность идти на определённые жертвы, например на отказ от части своего экономического, даже политического суверенитета, своей национальной валюты и т.п. А значит, в представлении избирателей интеграция должна приносить больше благ, чем требовать жертв.

Решение Евросоюзом задачи сочетания экономического роста и общественной справедливости с течением времени значительно усложнялось, что неудивительно: изначально в проекте участвовало шесть стран примерно одинакового высокого уровня развития, в 1995 г. стран-членов стало уже 15, а сегодня – 27. В ЕС продолжает существовать целый ряд социально-экономических моделей, которые во многом отличаются друг от друга: англосаксонская, рейнско-альпийская, северо- и южноевропейская, а теперь и восточноевропейская. Показатели неравномерности развития и благополучия населения ЕС особенно сильно стали различаться после приёма в его состав в 2004 г. сразу десяти восточноевропейских государств, большинство которых было значительно беднее западноевропейцев.

В связи с этим резко возросла роль различных внутренних инструментов социального сплочения и перераспределения преимуществ между бедными и более богатыми участниками интеграции.

Однако прошедшее с тех пор время показало отсутствие однозначных доказательств того, что вступление в ЕС привело к выравниванию показателей социально-экономического развития государств-членов и тем более к снижению социальных диспропорций внутри них, особенно тех, что беднее. Напротив, многие «младоевропейцы» за прошедший период лишились значительной части своей национальной промышленности, банковской системы, испытали депопуляцию в связи с миграцией части рабочей силы в более развитые государства Евросоюза.

Кроме того, современный ЕС стал заложником своих предыдущих успехов. Так, бесспорным достижением интеграции можно назвать создание зоны евро, т.е. единой монетарной, денежно-кредитной политики. Но фискальная, налогово-бюджетная политика в основном осталась в ведении национальных властей. Такой диссонанс привёл впоследствии к значительным проблемам, в частности к угрозе выхода из зоны евро и из самого ЕС Греции, что удалось предотвратить ценой огромных усилий. Со временем резко выросли и противоречия в отношениях старых и новых государств-членов в связи с перераспределением богатств внутри объединения. Наглядным примером является нежелание властей ЕС выделять масштабные объёмы финансовой помощи Венгрии и Польше в стремлении повлиять на те или иные внутривнутриполитические процессы в них.

Но проблемы интеграции затрагивают далеко не только менее развитые страны Евросоюза. Действительно, единственное государство, покинувшее объединение за всю его историю, – это Британия, которая до Брексита была второй по размеру национальной экономикой на просторах Единого рынка. Уже не годы, а десятилетия происходит стагнация в доходах значительной части населения в Италии, Испании, Португалии, Германии, Франции и других странах. Не только на периферии ЕС, но и в европейских «грандах» вымывается средний класс, процветает «новый популизм», растёт евроскептицизм. После Брексита эффекта домино пока не наблюдается, но прецедент имеется.

«Проблемы национальной стратегии»: Алексей Анатольевич, какова связь отмеченных Вами проблемных моментов в функционировании ЕС (вымывание среднего класса, популизм, евроскептицизм и пр.) с миграционной темой? Сохраняется ли вероятность выработки европейскими правительствами действенной системы убежища, ставшей предметом дискуссий после кризиса 2015–2016 гг.? Присутствует ли угроза усиления этнорелигиозных противоречий в долгосрочном плане?

Ал. А. Громыко: В буквальном смысле миграционный кризис в Европейском союзе, разразившийся в 2015 г., кризис так называемой неконтролируемой миграции, был в своё время купирован. Как мы помним, с него начался закат политической звезды Ангелы Меркель, которая тогда сделала роковое заявление: «Мы справимся». Но многострадальная система распределения квот, которую власти ЕС несколько лет пытались запустить, так и не заработала. Свобода передвижения на пространстве объединения была полностью восстановлена, однако никто не заставил страны-члены принимать у себя больше мигрантов, чем они сами этого хотят, исходя из внутреннего законодательства. Здесь свой нрав во всей полноте показали восточноевропейцы.

Данные проблемы вносят раскол в отношения и между крупными государствами Западной Европы, например поддерживая историческую неприязнь друг к другу Франции и Британии. Притчей во языцех стали незаконные перемещения людей в проливе Па-де-Кале (Дуврский пролив), разжигая взаимные обвинения Парижа и Лондона. Для снижения «миграционного навеса» Евросоюзу пришлось пойти и на болезненные для него договорённости с Турцией, несмотря на быстро ухудшавшиеся отношения с Реджепом Тайипом Эрдоганом. Но в целом проблема никуда не делась.

Во-первых, по внешним границам ЕС различного рода конфликты продолжают выталкивать большие массы населения из неблагополучных или развалившихся стран в поисках лучшей доли. Кстати, европейские государства сами приложили к этому руку, хотя в свойственной им манере потом сваливали последствия своих действий с больной головы на здоровую, обвиняя, например, Россию во взрывном характере миграции с Ближнего Востока. Но именно они сделали больше чем достаточно для развала Ливии и дестабилизации ситуации в Сирии.

Во-вторых, миграция из бедных в богатые регионы мира происходила в истории всегда, и в Евросоюз, законно или нет, миллионы человек каждый год продолжают вливаться, в основном из Африки и Азии. Сейчас к этому прибавилось несколько миллионов мигрантов и беженцев с Украины. Что касается проблем мультикультурализма, то, бесспорно, «цветное» население Европы продолжит увеличиваться, особенно мусульманское, будут разрастаться этнические и конфессиональные анклавов, воспроизводящие культуру, традиции и нравы стран исхода мигрантов. В ЕС из-за естественной депопуляции – снижения рождаемости – востребованность в притоке в первую очередь дешёвой рабочей силы сохранится в обозримом будущем. Но также сохранится и извечный вопрос: как интегрировать пришлых в местное общество и культуру, чтобы сохранить гражданский мир и согласие?

«Проблемы национальной стратегии»: *Алексей Анатольевич, комплексно обсудив крупные факторы интеграции и дезинтеграции ЕС, не могу не спросить: каково Ваше видение развития политических тенденций на пространстве стран – членов союза, будут ли они единообразны? Вероятен ли всплеск влияния правых или, напротив, левых сил в разных регионах Европы? Может ли это быть чревато, например, выходом из Евросоюза какого-либо государства (по примеру Великобритании) или в условиях внешних вызовов на пространстве союза сформируется относительно однородная политическая архитектура?*

Ал. А. Громько: Евросоюз, Европу в целом впереди ждут очень сложные годы. Можно много спорить о том, сколько стран – членов ЕС и на какой срок окажется в очередной рецессии, а в ближайшее время и в энергетическом кризисе, но бесспорно то, что, наверняка до конца нынешнего десятилетия экономическое развитие объединения будет стагнировать, как и реальные доходы населения. Вместе с тем продолжат меняться партийно-политические системы. Почти везде навсегда в прошлое ушли традиционные массовые, «народные», партии, как правило, центристские или с небольшим левым или правым уклоном. Им на смену пришли и приходят намного более поляризованные системы, где долгое время признаваемый политическими оппонентами «маятник» смены власти уже не действует, – в ходу политическая борьба на уничтожение, политическая неприязнь на грани латентной гражданской войны. Кстати, в США эта тенденция не менее ярко выражена.

Везде растут плюрализм мнений, противостояние крайне левых и крайне правых, соперники друг друга обвиняют в популизме и демагогии. В политический мейнстрим прорвались чрезвычайно идеологизированные установки зелёных и экологов, что видно на примере фантомной «зелёной сделки» ЕС. В принципе, как это бывает с оторванной от жизни идеологией, насадить её можно, но большой экономической и социальной ценой, когда издержки намного превосходят положительные эффекты.

В Германии под вопросом будущее Социал-демократической партии, как и намного слабее стала связка ХДС и ХСС. «Альтернатива для Германии» превратилась в постоянный внутривнутриполитический фактор. Во Франции старая партийная система лежит в руинах на фоне возвышения «бастионов» по её краям: слева – во главе с Жан-Люком Меланшоном, справа – с Марин Ле Пен. В Италии не прекращается изматывающая политическая чехарда со сменой правительств и с новой волной популярности правых сил, среди которых теперь лидируют «Братья Италии» Джорджии Мелони. В Венгрии и Польше оппозиция и правящие силы давно перешли от умеренной политической конкуренции к настоящей войне эмоций, замешенной

на ненависти друг к другу. В Испании, Бельгии, Британии глубоко укоренились проблемы регионального сепаратизма. В исторической перспективе трудно себе представить, что Каталония, Шотландия, Северная Ирландия, Валлония и Фландрия останутся в границах нынешних государств.

Несмотря на все трудности, которые ЕС заполучил из-за поспешного расширения в XXI в., он продолжает «импортировать» проблемы новых государств-членов или кандидатов на вступление. Так, недавно это были острые противоречия между Грецией и Северной Македонией (которые удалось урегулировать сомнительными с точки зрения конституционного права методами), теперь – между последней и Болгарией. До сих пор не решён территориальный спор между Словенией и Хорватией. Но есть и опасные территориальные конфликты, ставшие головной болью ЕС в результате более ранних волн расширения, например между Грецией и Турцией, Турцией и Кипром. Наделение Украины и Молдавии (как в недалёком будущем и Грузии) статусом государства – кандидата в члены ЕС открывает новые ящики Пандоры с трудно просчитываемыми последствиями. Одновременно в объединении продолжается противостояние двух философий – движения Евросоюза к «Соединённым Штатам Европы» и представления о нём как прежде всего о межгосударственной организации. Пока же можно констатировать, что федералистские начала в ЕС продолжают усиливаться, что уже привело к сильнейшему кризису, который вылился в Брекзит.

«Проблемы национальной стратегии»: *Алексей Анатольевич, если несколько отдалиться от текущей ситуации хотя бы в краткосрочную перспективу, можно ли, по Вашему мнению, ожидать существенной политической ребалансировки в ЕС, усиления позиций одних стран и ослабления других? Как будут развиваться отношения внутри франко-германского тандема?*

Ал. А. Громыко: После выхода Британии из ЕС, как никогда с 1972 г., внимание к франко-германскому тандему возросло. Несколько десятилетий к нему относились не иначе как к локомотиву интеграции. В принципе, при Эмманюэле Макроне и А. Меркель он худо-бедно ещё выполнял эту роль, но с уходом последней и в связи с ослаблением внутривнутриполитических позиций французского президента после июньских выборов в Национальную ассамблею во многом этот альянс продолжает существовать только на бумаге. Теперь всё больше поглощены решением своих собственных проблем, чем совместным лоббированием крупных общесоюзных инициатив. Тем более что реализация одной из таковых – «зелёной сделки» – будет стоить тандему огромных усилий с абсолютно неясным исходом.

Ещё недавно говорили о намечавшейся франко-итальянской оси, но, судя по всему, из этого вряд ли получится что-то значимое с учётом перманентной политической нестабильности на Апеннингах. Своё место под солнцем на пространстве ЕС «отвоевали» страны Вишеградской четвёрки, но и между ними противоречий не меньше, чем объединяющих начал.

В условиях нарастающих социально-экономических проблем и энергетического кризиса «национальные эгоизмы» будут давать о себе знать всё больше. В ЕС в разгаре дискуссии об упрощении процедур принятия внутренних решений. Для этого по вопросам, пока требующим консенсуса, предлагается ввести голосование квалифицированным большинством голосов. Если это произойдёт, то государства-члены утратят контроль и в наиболее чувствительных сферах национального суверенитета, включая вопросы внешней, фискальной политики, энергетики, миграционного законодательства. Это приведёт, на мой взгляд, лишь к усилению разногласий среди участников объединения.

«Проблемы национальной стратегии»: *Алексей Анатольевич, какую цель преследует в диалоге с еврочиновниками недавно покинувшая ЕС Великобритания? Совпадают ли её намерения с европейской политикой США?*

Ал. А. Громько: По моему мнению, Лондон совершил стратегическую ошибку, покинув Евросоюз, какими бы недостатками последний его ни раздражал. И дело здесь не в том, насколько ЕС плох или хорош. Просто Британия не имеет ресурсов и возможностей в современном мире претендовать на самостоятельную геополитическую роль. Как это ни парадоксально, но, находясь в ЕС, она могла лучше отстаивать свои конкурентные преимущества на международной арене, чем покинув его ряды.

От «особых отношений» с США в том виде, в котором они действовали в 1950–1980-е гг., осталось немного. Асимметрия в них в пользу американцев с тех пор намного выросла. Кстати, для Вашингтона англосаксонский союзник в Европе был намного ценнее внутри ЕС, чем вне его. Брекзит только усилил сепаратистские настроения в регионах страны. За годы, прошедшие после референдума 2016 г., большинство показателей развития Британии ухудшилось. Английские евроскептики во главе с Борисом Джонсоном и Найджелом Фараджем в обход механизмов представительной демократии навязали стране это решение, глубоко расколовшее общество. Где сейчас эти политики? А проблемы, ими вызванные или усугублённые, остались.

Одним из главных раздражителей между ЕС и Британией остаётся так называемый североирландский протокол – часть пакетного

соглашения Лондона и Брюсселя, оформившего Брекзит. Изначально было ясно, что это мина замедленного действия. Кто бы ни пришёл на смену Б. Джонсону, экономические факторы будут продолжать работать в пользу того, чтобы таможенная граница проходила по Ирландскому морю, а политические – против этого.

«Проблемы национальной стратегии»: *Алексей Анатольевич, конечно, не могу оставить в стороне российскую проблематику. С учётом практически полного разрыва связей с Москвой какие внешнеполитические направления станут приоритетными для Брюсселя в ближайшей перспективе? Как долго мы будем находиться в состоянии конфронтации? В этом контексте можно ли ожидать разночтения интересов отдельных стран ЕС с политикой объединения в целом?*

Ал. А. Громыко: В состоянии высокой конфронтации ЕС будет находиться с Россией теперь по крайней мере несколько лет. Но не думаю, что этот очередной всплеск вражды навеки. Слишком многое в практическом плане будет со временем подталкивать обе стороны к нормализации там, где интересы пересекаются, – и в экономике, и в политике. США, конечно, сделают всё, что смогут, чтобы, пользуясь украинским кризисом, а теперь и антикитайской пропагандой, привязать к себе в роли «братьев меньших» ведущие европейские страны и ЕС в целом ещё на многие годы вперёд.

Сейчас, в форс-мажорной ситуации, трудно сказать, насколько это у них получится, особенно когда наступят более спокойные времена. Ясно, что «транзакционный», потребительский характер отношения Вашингтона к Европе в контексте той самой «стратегической расстыковки» и смещения долговременных интересов США в пользу АТР, особенно Юго-Восточной Азии, не был aberrацией времён Д. Трампа. Эти процессы начались ещё при Б. Обаме и продолжают-ся при Дж. Байдене. В Евросоюзе даже сегодня сохраняются разные взгляды на перспективы отношений с Россией, тем более с Китаем. Чем больше европейцы сотрудничали бы с ними, тем выше становились бы шансы у идеи стратегической автономии ЕС.

Таким образом, Вашингтону выгодны любые разногласия, любой кризис между Россией и Китаем с одной стороны и ЕС и НАТО – с другой. Он будет и дальше использовать все объективные или искусственные обстоятельства, чтобы вбивать клинья между ними. Конечно, в этих условиях Москве и Пекину надо действовать гибко, давать отпор соответственно антироссийским и антикитайским настроениям в Европе, но одновременно самим не становиться проводниками европейской политики Вашингтона, с точки зрения которой коллективный Запад по-прежнему непоколебим как единое целое с неоспоримым главенством США.